

Глава третья: трендсеттер

23. «Быстро открыл! Бегом, лошара! Бегом я сказала!» – так или примерно так кричит интеллигентного вида блондинка в очках с переднего пассажирского сидения черного Мерседеса S-класса. Охранник суется. По инструкции, прежде чем открывать шлагбаум, он должен сверить номера со списком приглашенных. Но ведь и глаза у него есть. Он видит, что автомобиль непростой. Черный новый Мерседес значит – государева служба. Но почему тогда не чиновного вида господин на заднем сидении, а блондинка с айпадом на переднем? Счастливый номер 117 с осмысленно подобранными буквами и федеральным флажком вместо регионального кода – значит особые привилегии. Но почему тогда блондинка не на заднем сидении, черт возьми, а на переднем? Дочка чья-нибудь? Разумеется, дочка, но почему тогда выглядит не гламурной кисой и не нарочито-скромной студенткой, а наглой знайкой в очках? Еще секунда, и охранник узнает эту блондинку. Как же ее не узнаешь? Это же телеведущая Ксения Собчак. Совершенно сбитый с толку сторож поднимает шлагбаум, не сверивши номера. То есть идет на прямое должностное нарушение. И это правильно. Именно такое впечатление на лоха и должен производить рублевский игрок второго уровня, которого мы условно называем – трендсеттер, законодатель мод.

При случае я спрошу у Ксении Собчак: «Зачем же вы, Ксения, так орете на охрану?» И в ответ получу скромно потупленные глаза, мотыльком порхающие реснички и извиняющуюся интонацию: «Вы правы, Валерий, это ужасно. Я стараюсь не орать, но видите ли в чем дело – они не понимают. Они не привыкли, что с ними разговаривают вежливо. Они принимают вежливость за слабость. И как только видят слабого, немедленно начинают над слабым издеваться, понимаете? Такой уж у них условный рефлекс выработался за многие годы. Приходится орать, хоть это и неприятно!»

Пока она это говорит, у меня в голове случается то же раздвоение сознания, которое случилось у описанного выше охранника. Я вижу перед собой интеллигентную девушку из профессорской семьи, и эту же девушку я видел орущей на охранника, как орала бы рыночная хабалка. Два образа не сходятся, как не сходятся электроды в школьной динамо-машине на уроке физики, когда учитель хочет показать детям разряд молнии. Чтобы проскочила молния, между электродами должен быть зазор. И точно так же логический зазор должен быть между поступками трендсеттера, если он хочет диктовать людям тренды. В этом смысле биография Ксении Собчак сплошь состоит из логических зазоров. Впервые публично Ксения показала на похоронах. Хоронили ее отца Анатолия Собчака, бывшего мэра Санкт-Петербурга, на которого в начале своей политической карьеры работал Владимир Путин. Путин приехал поклониться гробу бывшего

своего благодетеля. Подходил к одетой в траур семье бывшего, тихо соболезнавал, обещал помочь. В скором времени мать Ксении и вдова Собчака Людмила Нарусова сделалась сенатором, и очень понятно стало, что вот президент устроил семье бывшего начальника синекуру, а Ксения, стало быть, будет жить тихонечко, но в достатке, как и подобает дочери заслуженного, но всеми забытого человека.

Однако ничуть не бывало. Следующая же новость про Ксению заключалась в том, что у нее украли черные бриллианты, подаренные Умаром Джабраиловым. Джабраилов в общественном сознании представлял тогда чеченским бандитом, убившим партнера своего Пола Тейтума, и даже если никакого Тейтума Джабраилов не убивал, все равно странно было, чтобы профессорская дочка принимала дорогие подарки от человека с такой репутацией.

Так она – подумалось всем – светская вертихвостка? Но почему тогда так достойно держала себя на похоронах отца? Ответа не нашлось, но логический зазор между двумя образами Ксении вызвал к девушке незаслуженный пока еще общественный интерес.

Потом некоторое время Ксения вела себя как совершеннейшая светская вертихвостка. Являлась на все рублевские тусовки, путешествовала с Рустамом Тарико на Сардинию, бесконечно училась в престижном ВУЗе, ненадолго вышла замуж за богатого человека. И вот когда общественное мнение совсем уж было приготовилось навесить на Ксению ярлык гламурной кисы, девушка принялась вдруг делать совершенно необычную для светской вертихвостки вещь – работать, причем работать много. Она вела телевизионную программу «Дом 2», вела ток-шоу на радио «Серебряный дождь», вела церемонии музыкальных и киношных премий, вела корпоративные вечеринки, брала вполне серьезные интервью для глянцевого, впрочем, журнала GQ. И никакой политики. В общественном сознании утвердилось, что Ксения – из тех довольных путинским режимом глянцевого журналистов, которым нефтяное наше изобилие предоставляет жить припеваючи при том условии, чтобы не лезли в политику. Это было похоже на правду, тем более, что в рублевских ресторанах Ксения прямо говорила друзьям-приятелям, что не станет направлять свое год от года все более изощренное перо против (в прямом смысле слова) крестного своего отца Владимира Путина.

Ее даже полюбили. В тридцатилетний юбилей ей даже устроили бенефис на Первом государственном канале телевидения. Она даже пела... Как вдруг ни с того, ни с сего Ксения Собчак стала участвовать в протестных акциях, последовавших за парламентскими выборами декабря 2011-го года. Записные оппозиционеры посмеивались над ней, долго не признавали за свою, пока ее телевизионное ток-шоу «Госдеп 2» не оказалось чуть ли не единственной для оппозиционеров трибуной. Светские хроникеры связывали протестные настроения Ксении Собчак с тем обстоятельством, что у нее, дескать, роман с

оппозиционным политиком Ильей Яшиным. Кремлевские охранители называли декабрьские протесты на московских улицах «норковой революцией», намекая в первую очередь на участие в протестах гламурных персонажей вроде Собчак. Но, так или иначе, у всех в голове царил насажденный Ксенией логический зазор, когнитивный диссонанс по поводу этой девушки, тем более усилившийся, когда выяснилось, что на протестные акции Ксения приезжает в машине с мигалкой, принадлежащей не то ФСБ, не то подмосковной прокуратуре. Ближе к президентским выборам 2012-го года Ксения совершила еще два поступка, головокружительно несуразных с точки зрения прямой логики, но совершенно оправданных с точки зрения раздвоенной логики трендсеттера. Во-первых, она задала «неприличный вопрос Чулпан Хаматовой». Во-вторых, донесла властям на провокаторов Марша миллионов. Перед президентскими выборами актриса и попечительница крупнейшего в России благотворительного фонда «Подари жизнь» Чулпан Хаматова выступила по телевизору с публичной поддержкой кандидата в президенты Путина, баллотировавшегося в третий раз. Хаматова говорила, что Путин – единственный из кандидатов, кто всерьез помогал ей помогать детям, кто обещал построить и построил в Москве современнейшую и высокотехнологичнейшую онкогематологическую клинику. Разумеется, для оппозиционно настроенной интеллигенции это выступление любимой актрисы, которую в связи с благотворительной ее деятельностью считали чуть ли не святой – было ударом. Оппозиционеры решили единогласно, что поддержать Путина Чулпан вынудили, запугав закрытием клиники и разорением фонда. Спасая детей (решили оппозиционеры), Чулпан вынуждена была поддержать сатрапа. Разумеется, публично задавать актрисе вопросы об этой истории считалось неприличным, потому что, дескать, рассказать правды о шантаже Чулпан не могла (на то она и жертва шантажа), могла только еще раз произнести болезненные для себя слова, что, дескать, голосует за Путина. Каково же было всеобщее негодование, когда на церемонии вручения кинематографической премии «Ника» ведущая вечера Ксения Собчак спросила во всеуслышание: «Чулпан, скажи, ты бы занималась политикой, если бы не занималась благотворительностью?» Зал свистел. А некоторое время спустя Ксения Собчак позвала Чулпан Хаматову к себе в ток-шоу и сорок минут на разные лады задавала все тот же вопрос: «Если бы не дети, если бы не благотворительный фонд, стала ли бы ты поддерживать Путина?» Сорок минут Чулпан героически уходила от ответа, но всякий раз так, чтобы не возникало сомнений, что Путина она поддерживает. А Ксении... Ксении, кажется, не важно было, что отвечает гостя, важно было, что вот она, Ксения Собчак сорок минут подряд задает вопрос, которого нельзя задавать. Публично и долго она нарушала правила, чтобы даже до самых тупых телезрителей дошло – она трендсеттер, человек, целенаправленно нарушающий правила, установленные

другими, и устанавливающий свои. На фоне этой истории померкла и даже как-то незамеченной прошла история с прямым доносом, который написала Ксения Собчак на товарищей своих оппозиционеров.

Дело было так. 6-го мая накануне инаугурации президента Путина, избранного на третий срок, в Москве прошла протестная демонстрация. Она называлась Марш миллионов. Случились столкновения демонстрантов с полицией. Был применен слезоточивый газ. Полицейские пустили в ход дубинки.

Демонстранты бросали в полицейских камнями и кусками асфальта. Полицейские заявляли, что среди демонстрантов были провокаторы, первыми напавшие на полицию. Демонстранты, наоборот, заявляли, что это полиция первой начала разгон разрешенного и согласованного шествия.

И вдруг в Интернете появилось заявление Ксении Собчак. Что на, дескать, была допущена в узкий круг организаторов митинга, заранее знала, что демонстранты готовят провокации против полицейских, и поэтому на митинг не пошла, впервые с начала московских протестов.

Шизофреничность этого заявления была вопиющей. Тебя допустили в узкий круг организаторов, а ты разглашаешь их тайны? Так ты предательница. Ты узнала о готовящихся провокациях и хочешь рассказать о них? Но почему тогда рассказала после митинга, когда побоище уже случилось, а не до митинга, когда провокации можно было предотвратить?

Прямая человеческая логика непригодна, чтобы объяснить поведение Ксении Собчак. Но мы объясним: она – трендсеттер. Трендсеттер нелогичен. Трендсеттер нарочно делает то, чего от него не ждут, чтобы утвердить свое право совершать невиданные, выбивающиеся из всех прежних конвенций поступки.